Рк Т1(2) Ф52

И. Т. Шаповалову

ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

УГОРСКАЯ РУСЬ

нные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки.

ПАМЯТИ

ЮРІЯ ВЕНЕЛИНА.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СИБЕРСЪ

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская ул. № 13.

1894.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛ

20934

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр Т1(2) Ф52 Інв.№ 1569366

Автор Филевич И. П.

Назва Киевская Русь и связанные с нею вопросы...

МІсце,рІк видання Варшава, 1894

КІл-ть стор. [2], 32 с.

-"- окр. листІв

-"- ІлюстрацІй

-"- карт

-"- схем

Том частина вип.

Конволют

23.09.93 г.

ПримІтка:

Т.1
Ф 52

Б 151696

ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

УГОРСКАЯ РУСЬ

и связанные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки.

ПАМЯТИ

ЮРІЯ ВЕНЕЛИНА.

15693366

Глубокоуважаемому
Василю Григорьевичу
Васильевскому:
от автора
19. IV. 94.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
1574.
СИВЕРСЪ

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская ул. № 13.

1894.

T1(2)15-1(2Ук)
+ T3(2Ук333)

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ „Варшав. Универ. Извѣстій“ № V, 1894 г.

Державна
Республіканська
Бібліотека України
[illegible]

УГОРСКАЯ РУСЬ

и связанные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки.

Памяти Юрія Венелина [1]).

Угорская Русь занимаетъ сѣверо-восточную часть территоріи угорскаго королевства. Границы ея составляютъ: на сѣверѣ и востокѣ — политическая граница Угріи съ Галиціей и Буковиной, на западѣ—крайніе отроги лѣсистаго Бескида, на югѣ—горы Сатмарскія и Тиса.

По вычисленію Бидермана, пространство это заключаетъ въ себѣ 340 — 380 кв. австрійскихъ миль. Часть его, непосредственно примыкающая къ Галиціи съ Буковиной (комитаты: Сарошскій, Земненскій, Унгварскій, Бережско-Угочскій и Марамарошскій), приблизительно 200 кв. миль, занята и въ настоящее время почти сплошнымъ русскимъ населеніемъ. Въ комитатахъ: Спишскомъ, Абауйско-Торнайскомъ, Саболчскомъ и Сатмарскомъ, русское населеніе перемѣшано съ поляками, словаками, мадьярами и румынами.

Показанія о численности угорскихъ русскихъ весьма разнорѣчивы. Большинство прежнихъ склоняется къ цифрѣ 500 ты-

---

[1]) Отрывки настоящей замѣтки были читаны на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ 1893 г., въ 70-лѣтнюю годовщину прибытія Венелина въ Россію.

сячъ. Въ 1826 г. угроруссъ Орлай насчитывалъ 800 тыс., въ 70-хъ годахъ по оффиціальнымъ даннымъ показывалось 448 тысячъ; по послѣднимъ переписямъ 1880—90 гг. всего 353226—379782. Впрочемъ по церковнымъ спискамъ (шематизмамъ) и теперь насчитывается 476560—499400 [1]).

Угорская Русь составляетъ окраину русскаго міра, повидимому, вовсе не участвовавшую въ его исторической жизни. — „О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ писалъ въ 1852 г. И. И. Срезневскій ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка подданными князья Кіевскаго Олега и его современника князя Моравскаго Святополка; нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти Мадьяровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. *Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуетъ, что они приняли христіанство не послѣ Мадьяровъ, не черезъ нихъ, а свидѣтельства объ учрежденіи эпархій въ Венгріи королемъ Стефаномъ даютъ знать, что Русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и слѣдовательно подчинены были особенной.....* Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ Русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отыскиваются только отрывочныя напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ“ [2]).

Слова эти до настоящаго времени сохраняютъ свою силу и очень ярко характеризуютъ состояніе вопросовъ, связанныхъ съ угорской Русью. Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки связаны съ за-карпатской частью русскаго міра:

1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если

---

[1]) *А. Л. Петровъ*, Замѣтки по Угорской Руси Ж. М. Пр. 1892, II. *Р. Заклинскій*, Географія Руси, Львовъ 1887. *Julius Vargha*, Die Nationalitäten Ungarns im Jahre 1890, Ungar. Revue, 1893, I.

[2]) *И. Срезневскій*, Русь Угорская, Вѣстн. И. р. геогр. общ. 1852, IV, кн. I.

Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?

2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русскаго племени—великорусской и малорусской не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю Юго-Западную Русь съ одной, и древняго южно-русскаго населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны?

Въ предлагаемомъ наброскѣ будутъ лишь намѣчены главнѣйшія данныя, составляющія содержаніе перваго вопроса. Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь на географической номенклатурѣ Карпатской территоріи и одномъ лѣтописномъ намекѣ, имѣющемъ, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ этому же вопросу

Историческій очеркъ разработки вопроса о русскомъ имени на Карпатахъ весьма кратокъ. Въ 1842 г. Надеждинъ высказалъ мысль, что на Карпатахъ — между прочимъ въ нынѣшней Угорской Руси—слѣдуетъ искать началъ нашей исторической жизни.— „До сихъ поръ, говоритъ Надеждинъ, всѣ изслѣдованія нашихъ историковъ, этнографовъ и археологовъ обращались преимущественно, даже можно сказать исключительно на Русь, заключающуюся въ обширныхъ предѣлахъ Россійскаго государства. И здѣсь еще, особенное, впрочемъ весьма естественное предпочтеніе, оказывалось Руси Сѣверо-Восточной, основательницѣ настоящей славы и величія имени русскаго.

Русь Юго-Западная, коей чистѣйшая и самообразнѣйшая часть уходитъ изъ предѣловъ Россійской Имперіи, простирается за Карпатъ до Дуная, во всю длину его теченія по древней Панноніи,—эта Русь едва удостоивалась мимоходнаго упоминовенія въ предисловіяхъ къ Русскимъ исторіямъ. Доходило даже до того, что сознаніе нашего кровнаго родства и единства съ Юго-Западными нашими соименниками, — сознаніе столь ясное и живое, какъ нпр. во времена Герберштейна, который всѣхъ Руссовъ признавалъ и называлъ равно Руссами—затмѣвалось совершенно въ новѣйшихъ бытописателяхъ и изслѣдователяхъ впрочемъ достойныхъ всякаго уваженія своею ученостью и добросовѣстно-

стью. Причина тому, очевидно, заключалась въ ложномъ предубѣжденіи, распространенномъ Венгерцами, а въ слѣдъ за ними и другими европейскими историками, кои, съ нелѣпыхъ словъ безыменнаго нотарія короля Бѣлы, повторяли въ одинъ голосъ, что Руссы Венгерскіе увлечены за Карпатъ изъ нашей украины Мадьярами, которые потомъ бросили ихъ, какъ безполезную тягость, при порогѣ своего распространенія въ Панноніи. За тѣмъ еще позднѣйшее переселеніе Ѳедора Коріатовича изъ—Подоліи въ Мункачъ—считалось второю эпохою, съ которой за-Карпатье наполнилось Руссами. При такихъ предположеніяхъ понятно, что пребываніе нынѣшнихъ Русняковъ въ Венгріи признавалось недостойнымъ занимать мѣсто въ древней исторіи и археологіи народа Русскаго.

Я былъ точно того-же мнѣнія, пока не познакомился лично съ Венгерскими Русняками, съ мѣстностью ихъ настоящихъ жилищъ и окружныхъ странъ, съ преданіями, искони существующими у Карпато-Руссовъ, равно какъ и съ преданіями самыхъ Венгерцевъ и другихъ окрестныхъ народовъ, въ ихъ полнотѣ и чистотѣ, изъ самыхъ источниковъ. Напротивъ того, теперь я убѣдился вполнѣ, неопровержимыми доказательствами, что *русская стихія простиралась на Юго-Западъ, по обѣ стороны Карпата, вплоть до Дуная, задолго до вторженія Мадьяровъ въ Паноніи*; что Мадьяры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ нихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе суть: историческіи, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ у насъ едва-ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадьяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются „Русскими", жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили еще между собою „по русски", т. е.

Карпато-Русинскимъ, или что то же Малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они, очевидно, отмыты отъ родного материка приливомъ Мадьяровъ и Нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого вопіющаго свидѣтельства?

Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я подъ моею путническою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой самородной Русской жизни, на этомъ забытомъ нами пространствѣ Южно-Славянскаго міра. Начало нашей исторіи, происхожденіе и смыслъ нашей древней лѣтописи, разлитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ Отечествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянскаго языка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, болѣе или менѣе сумрачные, прояснились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на Сѣверѣ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого нагляднаго познанія при-Дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнью. Я понимаю даже сказку о Кіи основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженнѣйшихъ чтителей древняго лѣтописца считаютъ басней, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ „Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ", сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ Лѣтописяхъ: эту загадку Сфинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа. Понимаю образованіе древней нашей Іерархіи, пугающее изслѣдователей своею темнотою и недостовѣрностію; и проч. и проч. [1]).

Черезъ два года появилось обширное изслѣдованіе акад. А. А. Куника о началахъ русской государственности, гдѣ за Карпатскою, въ частности Угорской Русью, не признано въ этомъ отношеніи рѣшительно никакого значенія. Взглядъ Куника состоитъ въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. — Возможно, что

---

[1]) *Н. Надеждинъ*, Записка о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ. Ж. М. Пр. 1842. ч. 34.

Карпаты были прародиной славянъ; возможно, что до нашей эры они жили и въ Панноніи, но невозможно опредѣлить ихъ нарѣчіе и всего менѣе можно допустить, что въ Панноніи жила восточно-славянская вѣтвь. Изъ Галиціи въ VII вѣкѣ вышли Сербы и Хорваты [1]); но даже при близости ихъ языка къ русскому, трудно считать ихъ предковъ людьми русскаго языка. И во времена Владиміра Святого жили здѣсь Хорваты „которыхъ лѣтопись отдѣляетъ отъ господствующаго племени Русскихъ“ [2]). Они потомъ совсѣмъ исчезаютъ [3]) и возбужденный Норманнами восточно-славянскій міръ занялъ Галицію, истребивъ при этомъ остатки ляшскихъ (?) и другихъ (какихъ?) вѣтвей“. — Съ основаніемъ въ XI вѣкѣ въ Галичинѣ владѣній Рюриковичей „musste der Name Русь hier die festesten Wurzeln fassen“ (почему же „festesten“?).

Объ угорскихъ русскихъ ничего опредѣленнаго по источникамъ неизвѣстно, но не слѣдуетъ забывать, „dass diese (т. е. угорскіе русскіе) sich auf keine Stufe staatsbürgerlicher Bildung erhoben haben; sie sind heute noch nicht viel mehr als ein Naturvolk, das keinen Staatsnamen brauchte, wie es auch in seiner Eigenschaft als ein slawicher Volkszweig keine

---

[1]) Это извѣстіе Багрянороднаго давно уже служитъ камнемъ преткновенія для ученыхъ (*К. Я. Гротъ*, Извѣстіе Конст. Багр. о Сербахъ и Хорватахъ, С.-Пб. 1880.) Что оно ошибочно въ обозначеніи времени, не можетъ быть сомнѣнія. Укажу заслуживающее вниманія мнѣніе Э. Богуславскаго, относящаго выселеніе Хорватовъ къ концу III вѣка, ко временамъ Авреліана и Максиміана, принявшаго имя „Herculius“. Отсюда, по мнѣнію г. Богуславскаго, ошибка Багрянороднаго, смѣшавшаго Максиміана-Ираклія съ Иракліемъ VII вѣка.

[2]) На самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ: „и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвате“. Въ чемъ же выдѣленіе?

[3]) Совершенно такъ же, какъ исчезаютъ Поляне, Древляне и проч., т. е. исчезаютъ одни названія, замѣняясь другими, въ данномъ случаѣ племенныя волостными. Эта смѣна названій, ясно отмѣченная на первыхъ страницахъ лѣтописи, могла практиковаться и прежде. Не ею ли слѣдуетъ объяснять исчезновеніе многихъ названій древней этнографіи, въ чемъ многіе изслѣдователи видятъ исчезновеніе самихъ племенъ.

selbständige Geschichte weder politischer, noch geistiger Art besitzt. Man muss also bei fremden Völkern sich Raths erholen wie es zu seinem heutigen Namen gekommen ist". Правда, употребленіе названія Orosz для русскихъ, словаковъ и мадьяръ, но не Сербовъ и Волоховъ, указываетъ не на южное, а на сѣверное происхожденіе этого названія, но дѣло въ томъ, что народъ не называетъ свою страну Русью, а Угорщиной. Man soltte doch, weil in Russland Русь und Русинъ sprachlich und politisch ganz eng verbunden waren, wie es in Galizien noch der Fall ist, erwarten, das er die Scholle auf der er geboren ist, Русь nennen würde; allein Русь ist ihm ein fremdes Land das jenseits der Berge liegt, es ist für ihn vorzugsweise Galizien; man kommt zu ihm aus Русь und geht von ihm nach Русь, und nur die slawischen Ethnographen unserer Zeit haben den Ausdruck „Uherska Ruś" in die Schriftsprache eingeführt. Indessen ist es moglich, dass auch schon früher dieser Terminus in der Schriftsprache bestand" [1]). Вотъ собственно и все сказанное Куникомъ объ Угорской Руси. На основаніи этого Куникъ утверждаетъ, что русское имя за Карпатами имѣетъ не національный, а вѣроисповѣдный смыслъ. Что въ этомъ отношеніи не остались вѣроятно безъ слѣда сношенія съ Галичемъ, затѣмъ Татарскій погромъ и наконецъ время Коріатовича, и въ виду невозможности допустить распространеніе русской вѣтви до Дуная (въ до-мадьярское время) ак. Куникъ рѣшительно отвергаетъ древность топографическихъ названій, связанныхъ съ названіемъ шведскихъ родзовъ. Alle diese ungrischen Vettern und Basen der finnischen Ruotsenstadt in Schweden und der estnichen Rootsendörfer dürfen in Zukunft nicht mehr als ein Argument gegen die Normannität der Waräger - Russen citirt werden, sobald nicht der ganze Nestor mit seinem Verhältniss der Russen zu den Warägern, das Entstehen von Русь aus Ruossi und dessen Entstehen aus einer überseeischen Urform mit triftigen Gründen widerlegt ist. Selbst der Nachweis eines ungri-

---

[1]) Способъ выраженія во всякомъ случаѣ нѣсколько странный въ устахъ ученаго, напирающаго на Verschrobenheit антинорманнистовъ.

schen, im Munde des Volkes lebenden Русь würde Nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte [1]). Для мыслящаго русскаго историка Угорская Русь имѣетъ значеніе, но не въ отношеніи имени, а какъ яркая иллюстрація той первобытной ступени русскаго быта, который заставилъ русскихъ искать наряда у Норманновъ, а благодаря горамъ, довольно живо сохранился и до сихъ поръ [2]).

Въ 1859 г. проф. В. И. Ламанскій въ одномъ изъ приложеній къ своему изслѣдованію: „Славяне въ Малой Азіи"..... привелъ нѣсколько соображеній въ опроверженіе взгляда акад. Куника [3]).

---

[1]) Однако о находящемся около Белза селѣ Русинъ съ недалеко лежащимъ Варенжемъ ак. Куникъ полагаетъ, что оно „vielleicht seine Entstehung den Normannen verdankt". Въ настоящее время названія на *инъ*, *ина* и особенно на *ино* считаются не вполнѣ надежными данными исторической этнографіи, какъ образовавшіяся, по всей вѣроятности, черезъ сокращеніе названій на *иново*, т. е. происшедшія отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ, которыми въ старой Руси оч. часто служили этнографическія названія, нпр.: „Русинъ да Мещеринъ Ѳедоровы дѣти Черемисинова". *А. И. Соболевскій*, Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской историч. этнографіи, Жив. Стар., 1893, IV. Дѣло, конечно, не въ этомъ, ибо 50 лѣтъ назадъ на нихъ можно было указывать съ полнымъ правомъ; а въ томъ, что одно - единственное названіе дало основаніе ак. Кунику усмотрѣть вліяніе Норманновъ на Карпатскую территорію, а „больше 30 названій" отъ корня *рус* не навели почтеннаго академика ни на какія соображенія.

[2]) *E. Kunik*. Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen S.-PTb. 1844—45, Кар. V.

[3]) Отмѣчу нѣкоторыя: а) слово *Русь* не обличаетъ финнскаго происхожденія ни своею формою, ни своимъ употребленіемъ—въ смыслѣ этнографическомъ, и географическомъ, ни производнымъ отъ него словомъ — русинъ; б) выдержка изъ статьи Срезневскаго (Ж. М. Пр. 1843. II), сдѣланная ак. Куникомъ въ подтвержденіе того, что слово — русскій имѣетъ въ Угорской Руси вѣроисповѣдное, а не народное значеніе, не точна. Срезневскій сказалъ слѣдующее: „Ѣдучи съ запада на востокъ, по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго хребта, въ Ужгородѣ путешественникъ уже слышитъ южно-русское нарѣчіе, какъ господствующее въ народѣ. *Русиновъ по вѣрѣ* (*русинами въ королевствѣ*

Въ 1871 г. нѣмецкій ученый R. Rösler въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи Romänische Studien... пришелъ къ выводамъ во многомъ согласнымъ съ мнѣніемъ Надеждина, хотя занимающій насъ вопросъ затронутъ былъ Рэслеромъ лишь между прочимъ и въ виду этого не былъ имъ подвергнутъ всестороннему обсужденію [1]). Выводы Рэслера встрѣтили нѣкоторое во-

---

венгерскомъ называютъ всѣхъ уніатовъ и православныхъ безъ различія, точно ли они Русины, или Словаки, или Мадьяры, лишь бы не были Сербы и Волохи) я уже встрѣчалъ въ столицахъ Гёмёрской, Спишской Шаринской и Землянской, (въ Пряшовской епархіи считается вообще уніатовъ до 180000), но это Русины по вѣрѣ, а по языку, по народности, Словаки. Тутъ же, напротивъ, Русины въ полномъ смыслѣ слова, родные братья Малороссіянъ, однокровныя дѣти Старой Руси по народности и большею частью по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ простираются они въ Галицію и Буковину" и проч. (Акад. Куникъ выписалъ лишь слова обозначенныя курсивомъ: такимъ образомъ Срезневскій долженъ былъ подтверждать то, о чемъ, конечно, никогда и не думалъ). в) „Есть основаніе полагать, что русскія поселенія простирались далеко на западъ, что слѣд. съ теченіемъ времени народность русская въ Венгріи не возрастала, а напротивъ того, уменьшалась". Приводится показаніе Броневскаго, что въ 1810 г. русскіе жили около Мишковца. г) Приводятся историческія указанія: второго Львовскаго списка Паннонскаго житія Кирилла (XVII вѣка), гдѣ Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ названы князьями русскими; Энея Сильвія (XV в.) что Святополку подчинялись и русскіе; Пулкавы (XVI в.) о томъ же. Что Русскіе въ обоихъ этихъ случаяхъ не значатъ — Мораване, это признаетъ и Куникъ; наконецъ, показанія Адама Бременскаго и Виппо (XI в.). Въ заключеніе проф. Ламанскій говоритъ: „съ своей стороны не могу не замѣтить, что пока не будетъ положительно доказано, что Русины появились въ Венгріи въ XIII и XIV стол., а не гораздо раньше, до тѣхъ поръ эта Russia или не должна быть считана за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причтена къ той-же псевдо-Руси". Славяне въ Малой Азіи С.-Пб. 1859 г. Прил. II.

[1]) Между прочимъ о Марамарошѣ Рэслеръ говоритъ: „Die Maramaros ist nur äusserste ciskarpatische Mark eines zusammenhängenden transcarpatischen Besitzes im östlichen Galizien und südlichen Russland... Die maramaroser-Karpaten werden, wo man ihrer zuerst

зраженіе со стороны чешскаго ученаго Томашка въ его рецензіи на книгу Рэслера.

Сопоставляя взгляды обоихъ этихъ ученыхъ, акад. В. Г. Васильевскій замѣчаетъ слѣдующее: „Легко усмотрѣть, что возраженія чешскаго ученаго слабѣе, чѣмъ доказательства нѣмецкаго. Томашекъ опустилъ изъ виду рядъ словъ чисто-русскихъ и мѣстностей выдающихъ себя и теперь русскими, на которыя указывалъ Рэслеръ, которыя находятся и въ Седмиградіи, и даже въ Валахіи“ [1]).

Въ 1874 г. проф. А. А. Кочубинскій указывалъ на важность задачъ предстоящихъ русской наукѣ на Карпатахъ [2]).

Въ 1889 проф. Ѳ. И. Успенскій высказалъ между прочимъ слѣдующее: „И теперь уже можно сказать, что древнѣйшее существованіе русскаго населенія на Дунаѣ перестаетъ быть ученой теоріей или патріотическимъ увлеченіемъ. Извѣстія лѣтописи о русскихъ городахъ дальнихъ и ближнихъ болѣе не должны быть признаваемы за праздный вымыселъ. По немногу накопляется матеріалъ, которымъ невозможно пренебрегать. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы славяно-русская филологія обратила свое вниманіе на тѣ остатки русской рѣчи и русскаго населенія, которые путешественники видѣли въ Трансильваніи еще въ началѣ настоящаго столѣтія“ [3]).

Вотъ, кажется, и весь историческій очеркъ разработки занимающаго насъ вопроса въ нашей наукѣ, если только можно назвать разработкой отрывочныя упоминанія въ приложеніяхъ и при-

---

gedenkt, Ruthenorum Alpes genannt. Rom. Stud. 319. Далѣе Рэслеръ указываетъ на русскій характеръ географической номенклатуры Молдовлахіи и Трансильваніи, отмѣчая на послѣдней рядъ названій отъ корня: *рус*. Многія изъ этихъ названій встрѣчаются въ документахъ съ половины XII в., слѣд. ихъ нельзя считать позднѣйшими.

[1]) Византія и Печенѣги, Ж. М. Пр. 1872 г. ч. 164, прил. II.

[2]) Отчетъ о путешествіи по славянскимъ землямъ, Зап. Новор. Ун., III.

[3]) Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса. 1879. Прил. V

мѣчаніяхъ. Если прибавить сюда нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ объ Угорской Руси, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ вопросу о ея русскомъ имени[1]), то получимъ все что, имѣется въ нашей наукѣ объ Угорской Руси. Все это только отрывки и наброски: ничего не только цѣльнаго, но даже сколько нибудь опредѣленнаго. Въ теченіе полувѣка послѣ Надеждина разработка занимающаго насъ вопроса, собственно говоря, не подвинулась ни на шагъ. Русская мысль боролась съ Норманистами подъ знаменемъ Руси поморской, Роксоланъ, Скиѳовъ и наконецъ Готовъ[2]). Угорская Русь ни разу не выступала на сцену прямо, но несомнѣнно всегда скрывалась за кулисами, смущая своимъ именемъ спокойствіе всѣхъ названныхъ ученыхъ партій, къ рѣшительнымъ или умѣреннымъ сторонникамъ которыхъ принадлежатъ у насъ въ настоящее время всѣ представители русской исторической

---

[1]) *И. Срезневскаго* (указаны выше); *Я. Головацкаго*, Карпатская Русь, 1-й томъ „Пѣсенъ"... М. 1878. и Ж. М. Пр. 1875 ч. 179. *А. Добрянскаго*, О западныхъ границахъ подкарпатской Руси, Ж. М. Пр. 1880, ч. 208, наконецъ, Анонимная—Голосъ изъ Угорской Руси, Р. Мысль, 1880. III. Другія статьи, которыхъ по журналамъ разбросано довольно, имѣютъ для историка сравнительно малое значеніе. Перечень ихъ см. у *Ѳ. М. Истомина*, Угро-русскія народныя пѣсни De-Воллана и у *А. Л. Петрова*, Замѣтки. На нѣмецкомъ яз. имѣется извѣстное и дѣйствительно лучшее по систематичности и сравнительной полнотѣ сочиненіе *Бидермана*, но оно не безъ тенденціозности; церковная жизнь пропущена. Дополненіемъ въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить *I. Базиловичъ*, Brevis notitia fundationis Th. Koriatowits. Cassoviae 1799; *А. Балудянскій*, Исторія церковная Нов. Завѣта, Вѣна, 1852; *I. Fiedler*, Beiträge zur Geschichte der Union der Ruthenen in Nord-Ungern u. der Immunität des Clerus derselben, Sitzungsber hist-phils cl., 1862, 39. На угорско-русскомъ яз. имѣется сочиненіе свящ. *I. Дулишковича*, Историческія черты Угро-русскихъ, Унгваръ, 1874—77 г. По методу оно неудовлетворительно, но сообщаетъ нерѣдко интересныя замѣчанія. Слѣдуетъ очень желать, чтобы оставшееся ненапечатаннымъ продолженіе труда покойнаго о. Дулишковича († 1883, Угро-р. „Листокъ" 1893. № 2) не пропало.

[1]) Впрочемъ готизмъ можно, кажется, не безъ основанія считать естественнымъ перерожденіемъ норманнизма.

науки. Во взглядахъ на Угорскую Русь ученые до сихъ поръ колеблются между двумя противоположными взглядами: ак. Куника съ одной и Надеждина съ другой стороны. Существенная разница обоихъ взглядовъ заключается не въ научномъ ихъ обоснованіи, а такъ сказать, въ научной обстановкѣ и, пожалуй, въ тонѣ, весьма рѣшительномъ у Норманнистовъ, весьма робкомъ у ихъ противниковъ. Упоминанія объ Угорской Руси находятъ, какъ мы видѣли, мѣсто лишь въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ. Спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ нѣтъ, и ученые упоминаютъ объ этомъ только по случаю, попутно. О Норманнскихъ же Родзахъ имѣются обширныя спеціальныя изслѣдованія и нѣмецкія, и русскія. Важность этого обстоятельства понятна, и несомнѣнно этимъ обусловливается указанная разница тона: кто не знаетъ Норманновъ? а Карпатская Русь для многихъ и многихъ — загадка. Что касается научной обоснованности взгляда Норманнистовъ на Угорскую Русь, то два примѣра было уже указано. Собственно въ этомъ случаѣ только и можно имѣть въ виду ак. Куника: другіе объ Угорской Руси не говорили; но въ сущности слѣдуетъ недоумѣвать, почему ак. Куникъ счелъ нужнымъ распространяться объ Угорской Руси, если по его мнѣнію: selbst der Nachweis eines ungrischen im Munde des Volkes lebenden Русь würde Nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte" другими словами: если на Карпатахъ и существовала какая-то Русь, то этому все таки не слѣдуетъ вѣрить, ибо не было Руси, кромѣ Родзовъ. Мы здѣсь, очевидно имѣемъ дѣло не съ научнымъ изслѣдованіемъ, а съ предубѣжденіемъ, подъ которое подводятся факты. Иначе нельзя было бы утверждать объ отдѣльности Хорватовъ отъ другихъ русскихъ племенъ, чему, какъ указано, прямо противорѣчитъ лѣтопись; нельзя было бы говорить, что Угорская Русь есть выдумка писателей нашего времени и тутъ же рядомъ: „впрочемъ названіе это могло употребляться въ письменномъ языкѣ и прежде"; нельзя было бы допускать позднѣйшее передвиженіе русскихъ за Карпаты, когда рядъ фактовъ указывалъ на существованіе тамъ русскаго имени въ отдаленной древности; нельзя было бы хвататься за одно на-

званіе и оставлять безъ всякаго вниманія „больше тридцати“ названій: нельзя было бы наконецъ указывать на Угорскую Русь лишь какъ на иллюстрацію быта русскихъ славянъ, заставившаго ихъ искать наряда у Норманновъ. Полная беззаботность на счетъ цѣлаго ряда фактовъ, вопіющихъ о разслѣдованіи, и въ то же время возможность безъ замѣтнаго колебанія сопричислить Илью Муромца къ сонму норманнскихъ героевъ („höchst warscheinlich von Normannen abstammte“, Beruf. II, 105).... да развѣ это наука?

Перехожу къ разсмотрѣнію вопроса. Древнѣйшая исторія Карпатъ связана съ именами бастарновъ, певкиновъ, сидоновъ, атмоновъ, аварриновъ, омброновъ, уругундовъ, арсіетовъ, сабоковъ, пенгитовъ, бессовъ, карновъ, карпіановъ и пр. Послѣдними въ ряду этой массы загадочныхъ именъ являются Хорваты. Но и о нихъ мы имѣемъ весьма смутное представленіе. Такая ли это отдѣльная вѣтвь русскаго племени какъ Поляне, Древляне и пр., или это родовое обозначеніе группы славяно-русскихъ или даже вообще Славянскихъ колѣнъ; загадочные ли это „толковины“ (Линниченко), или это часть тоже впрочемъ довольно неопредѣленная Дулѣбовъ? Какова была ихъ территорія: обширное ли пространство отъ линіи — Кошицы — Кляузенбургъ — Бухарестъ (а можетъ быть и западнѣе) до западнаго Буга и Припети (Барсовъ), или середина Карпатъ отъ линіи — между Краковомъ и Остригономъ на Сѣв.-Зап. до Тисы и Самоша въ Угорщинѣ и Семиградіи и старой границы между Валахіей и Молдавіей на ю.-в. (А. Добрянскій), или наконецъ, сравнительно небольшое пространство нагорной перемышльской области (Ключевскій)? Каковы были отношенія карпатскихъ Хорватовъ къ другимъ русскимъ племенамъ и русскому государству, и были ли какія нибудь отношенія вообще? Все это—вопросы, на которые у насъ нѣтъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Очевидно, названія племенъ связанныя съ Карпатами не могутъ служить для изслѣдователя исходной точкой въ его соображеніяхъ о древнѣйшей исторіи Карпатской земли, ибо въ такомъ случаѣ онъ неизбѣжно долженъ запутаться въ лабиринтѣ сложныхъ вопросовъ о германизмѣ и славизмѣ древнѣйшихъ племенъ (бастарны, певкины и проч.), или плутать въ

темномъ лѣсу вопросовъ о древнѣйшихъ славянскихъ племенныхъ взаимоотношеніяхъ — (Сербы, Хорваты).

„Чтобы выбраться изъ этого лабиринта, необходимо держаться крѣпко *за землю*, т. е. не за исторію имени, а болѣе всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена“ [1]).

Эти слова уважаемаго историка слѣдуетъ понимать такъ, что въ темныхъ вопросахъ древней этнографіи весьма существеннымъ указаніемъ является языкъ земли или ея хоро-и топографическая номенклатура. Она обратила на себя вниманіе уже акад. Куника, затѣмъ Рэслера.

Ак. Куникъ заимствовалъ свои топографическія данныя изъ указателя приложеннаго къ картѣ Угріи и Седмиградіи, изданной Липскимъ въ Пештѣ въ 1808 г. Всѣхъ топографическихъ названій, связанныхъ съ корнемъ *рус* ак. Куникъ насчиталъ „быть можетъ больше 30“.

Рэслеръ указалъ не мало славяно-русскихъ хоро-и топографическихъ названій лишь на территоріи Молдо-валахіи, и соотвѣтственно этому призналъ эту территорію русскою.

Я сведу въ настоящей замѣткѣ результаты чтенія картъ всей Карпатской дуги со включеніемъ угорской равнины на лѣвомъ берегу Тисы. Я обратился къ картамъ, а не къ указателямъ, такъ какъ на картахъ языкъ земли гораздо яснѣе: бросаются въ глаза не только названія, но и самое ихъ распредѣленіе, что иногда характерно, особенно въ рѣкахъ. — Я не могу ручаться, что я собралъ всѣ названія; несомнѣнно, многія ускользнули отъ моего вниманія, хотя каждый листъ карты я читалъ два раза, подчеркивая хоро-и топографическія названія разноцвѣтными карандашами.—Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что этихъ названій больше, чѣмъ сколько ихъ найдено мною, а никакъ не меньше. Я пользовался Австрійскими картами въ масштабѣ 1 : 300000 (I - P, 5—9). Доставленіемъ этого матерьяла я обязанъ многоуважаемому А. К. Пузыревскому, которому и приношу мою искреннюю благодарность.

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Исторія русской жизни, 1, 267.

Огромный кряжъ Карпатъ составляетъ средоточіе славянскихъ горъ: „Онъ тянется съ с.-з. на ю.-в. большой дугой, изогнутой къ с.-в, и открытой къ ю.-з., на протяженіи 160 геогр. м. Всѣми своими развѣтвленіями въ Моравіи, Слезіи, Галичѣ, Буковинѣ, Молдовлахіи и Угорщинѣ съ Семиградьемъ, Карпаты занимаютъ площадь свыше 4000 кв. геогр. миль“ [1]).

Карпатская дуга соприкасается своими концами съ одной стороны съ отрогами Альповъ, а нѣсколько сѣвернѣе черезъ Ясеницкія горы она связывается съ Чехо-Моравской или Герцинской системой, съ другой стороны съ балканскими горами; а отроги Карпатъ на ю.-в. и с.-в. огибая съ обѣихъ сторонъ Припетскую впадину, приближаются своими крайними оконечностями къ русской центральной плоской возвышенности.

Несмотря на нѣкоторыя особенности отдѣльныхъ горныхъ цѣпей, Карпаты представляютъ одно цѣлое, а лишь по населяющимъ ихъ племенамъ ихъ дѣлятъ теперь обыкновенно на Словенскіе на западѣ, Русскіе — въ центрѣ и румынскіе — на юго-востокѣ.

Только Словенскіе Карпаты и сравнительно небольшая сѣв.-зап. часть русскихъ Карпатъ служитъ водораздѣломъ Балтійскаго и Черноморскаго бассейновъ. Вся остальная часть принадлежитъ всецѣло бассейну Черноморскому. Румынскіе притоки нижняго Дуная своими верховьями встрѣчаются съ верховьями лѣвыхъ притоковъ Тисы, съ ними же встрѣчаются далѣе притоки Серета, Прута, Днѣстра, а правые притоки верхней Вислы встрѣчаются съ правыми притоками Тисы и лѣвыми Дуная.

Если принять во вниманіе, что „въ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ по обоимъ склонамъ горъ близки другъ къ другу, тамъ и долины противоположныхъ притоковъ, подступаютъ одна къ другой и несмотря на значительную высоту горъ дѣлаютъ удобнымъ пе-

---

[1]) *А. С. Будиловичъ*, Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства. С.Пб. 1886; *Шараневичъ*, Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, Lemb. 1871; *W Pol*, Północne stoki Karpat, Krak. 1851; *Walery Eliasz*, Illustrowany przewodnik do Tatr' Pienin i Szczawnic.

реходъ черезъ Карпатскій хребетъ, вслѣдствіе чего способствовали издревле сообщенію и переселенію народа съ одной стороны горъ на другую" [1]), то уже вслѣдствіе этого врядъ ли можно предполагать разнородность этническаго состава въ древнѣйшее время. Присмотримся поближе къ Карпатамъ и прежде всего къ центральнымъ или русскимъ и понынѣ на обоихъ склонахъ занятымъ русскимъ племенемъ.

„Русскіе Карпаты начинаются за Попрадомъ и Горнадомъ и тянутся на протяженіи около 60 миль на ю.-в. до Русскаго Верха (Вурвуруссу) на буковинско-семиградской границѣ" Западная ихъ часть составляетъ продолженіе Бескидовъ и сохраняетъ это названіе: „русскій бескидъ"; причемъ часть отъ Попрада до истоковъ Латорицы и Стрыя называется Дѣломъ, т. е. водораздѣломъ, а южная часть, составляющая переходъ къ Семиградскимъ горамъ называется Черная гора или Высокій лѣсистый Бескидъ.— Проводя границу русскихъ Карпатъ для большей ясности по теченію рѣкъ, получимъ горное пространство между: Вишеевой, Тисой, Горнадомъ съ Торчей (Торицей) на югѣ и западѣ; на сѣверѣ горы спускаются къ вислинской долинѣ, а расположенная по с.-в. отрогамъ Галичина естественно сливается съ территоріей Волыни и Подолья. Линія отъ верховья Вишеевы и Золотой Быстрицы (лѣв. прит. Серетской Быстрицы) до Молдавы съ Молдавицей составитъ южную границу русскихъ Карпатъ. Все это пространство перерѣзано притоками Тисы, которые въ своихъ верховьяхъ почти встрѣчается съ притоками Вислы, Днѣстра, Прута и Серета.

Если присмотрѣться къ хоро-и топографической номенклатурѣ этой территорій, то нельзя не замѣтить, что въ томъ и другомъ отношеніи она имѣетъ свои излюбленныя постоянно повторяющіяся названія. Сюда относятся:

Бѣлая, *Бѣлка* какъ самостоятельныя названія рѣкъ, такъ и въ качествѣ эпитетовъ: Бяла правый притокъ верхняго Горна-

---

[1]) *Головацкій*, Пѣсни, 1, 572; *Шараневичъ*, Изслѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи. Старинные пути.... Сборникъ гал.-р. матицы, Львовъ, 1869.

да, Бяла притокъ Дунайца, Бѣлка притокъ Днѣстра, Бѣлая Тиса, Бѣлый Черемошъ.

Быстрица, Быстра: Золотая Быстрица лѣвый притокъ Быстрицы Серетской, двѣ Быстрыхъ — правые притоки Сучавы; далѣе на с.-з.: Быстрица Днѣстровская, сливающаяся изъ двухъ Быстрицъ; тутъ же Быстрица Ломницкая, вытекающая изъ горы Быстрой, тутъ же Быстра, верхній притокъ В. Ага; Быстрица другой притокъ Днѣстра, Быстра притокъ верхняго Горнада. По теченію всѣхъ этихъ Быстрыхъ и Быстрицъ встрѣчаются постоянно одноименныя поселенія; кромѣ того разсѣянныя по всей территоріи и по теченію другихъ рѣкъ.

Но еще болѣе оригинальный и интересный характеръ сообщаетъ всему этому пространству то обстоятельство, что оно буквально усѣяно названіями отъ корня: *рос:*

Рѣчка *Рося* (притокъ Воды—правый притокъ Вишеевы), вытекающая изъ горы Рося, недалеко къ сѣверу гора Русскій верхъ; рѣчка Rusenau (правый притокъ Вишеевы) на ней двѣ Рускавы и Русполвана, Кизенау на Молдавѣ, Русь на Молдавицѣ; Русичка на рѣчкѣ Самцѣ къ югу отъ Проскурова, тутъ же Рузичанка, Росоша; Оросъ-Мота на Тарачѣ; Руска и двѣ Ростоки на Вичѣ. Сарошъ-Ороси (къ с. отъ Тиса-Уйлака); Русскій Путь въ горахъ; Русске на верховьяхъ Сана, Русска весь къ югу отъ Дубецка, Русске на верховьяхъ Широкой (л. притокъ Лаборца), недалеко отсюда Русскій Потокъ, Русске Волове, Русске Ма?.... (не прочиталъ); Ороска на Лаборцѣ (къ сѣв. отъ Старой); недалеко: Русинъ; Русковце. Около Пряшева на Торицѣ Русска Ново весь, русъ; около Кошицъ: Русовикъ, Расановце; въ бодрогско-Горнадскихъ горахъ: Göncz-Ruszka, Magyoroszka. Въ долинѣ между Тисой и горами: Оросъ, Мале-Русковце, Руска на югъ отъ Galszecs, Орос-Комороцъ около Середняго.

Все это конечно, не случайность и сообщаетъ территоріи своеобразный типичный характеръ.

Разсмотримъ теперь территорію словенскихъ горъ. — Татры съ Липтовскими горами и Магурой, откуда берутъ начало многочисленныя рѣки и рѣчки, расходящіяся въ разныя стороны, служатъ какъ бы центромъ Быстрицъ и бѣлыхъ водъ: здѣсь берутъ

1569366

начало Бѣлый и Черный Вагъ, Бѣлый и Черный Дунаецъ, Бѣлая и Черная Орава; Быстра и Бѣла правые притоки верхняго Горнада, Быстра правый притокъ верхняго Грона, Бялка и Бяла притоки Дунайца и Попрада; Студенецъ съ Бѣлымъ потокомъ, притокъ Оравицы; Быстрица, второй правый притокъ Грона; Бѣла—притокъ Туроца. Далѣе Бѣлянка, правый притокъ Нитры. Морава съ лѣва принимаетъ Быстрицу и Быстричку. Нечего и говорить, что на всѣхъ этихъ рѣчкахъ встрѣчаются одноименныя поселенія, которыя кромѣ того встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ рѣшительно по всему пространству, а особенно въ западной его части.

Также точно усѣяно это пространство названіями отъ корня *рус.*—Sajo-Orosz, Rasony, Ruzita (между Шаіо и Горнадомъ), О-русинъ на Горнадѣ, Kis-Oroszi на Дунаѣ къ сѣв. отъ Вышеграда, Kis - Oroszi на Гронѣ, Nem - Oroszi, Росине около Вага, Русава лѣв. притокъ Моравы; Рожнява (Роснява?)

Наконецъ эти названія встрѣчаются и далѣе на западъ на правомъ берегу Моравы и даже Дуная: Оросваръ (Карлсбургъ); Руссъ правый притокъ нижней Моравы, на верховьяхъ ея Gross-Russbach.

Далѣе къ сѣверу: около Берна Моравскаго: Быстрица на Шварцавѣ, недалеко отъ нея Росице, Новый Русиновецъ къ югу отъ Вышкова, еще немного сѣвернѣе: Быстрица, около нея: Росоха, Росичка; около Своянова - Быстрава, къ югу отъ нея Росичка и Росецъ.

Сѣверо-восточный уголъ Румынскихъ горъ омывается Быстрицей (пр. прит. Серета) съ Золотой Быстрицей и Быстричорой на юго-западъ отъ Золотой Быстрицы вытекаетъ Быстрица (притокъ Шаіо), наконецъ на югѣ Быстра (съ двумя Быстрыми) прав. притокъ Темеша, Быстрица — прит. Шила и Быстрица—притокъ Олуты, (Только на двухъ послѣднихъ рѣчкахъ какъ будто незамѣтно названій одноименныхъ поселеній). Бѣлыхъ меньше: Бѣлый Черемошъ, Бѣлая —лѣв. притокъ Большого Кокеля, Bilatesculi, прав. притокъ Прута. Названіями Рось наполнено все пространство; рѣчка Рося (на ней Роска) пр. притокъ Чернаго Кереша, въ томъ же направленіи къ югу рѣчка Рося правый притокъ

Мароша (на ней Рося). Въ прямомъ направленіи къ югу отъ нижней Быстры (лѣвый притокъ Темешск. Быстрицы) рѣчка Рося —правый притокъ верхняго Шила. Около Русской горы — Рускице далѣе къ югу Ruskberk. Лѣвый притокъ Большого Самоша—Orosz (на немъ A. F. Orosz falu). На лѣв. берегу Мароша, Orosz - Idecs, Görg - Oroszfalu, недалеко на вост. Orsova, далѣе къ востоку Orosz - buk, кромѣ того на Марошѣ: Ruzas, Oroszi. На Маломъ Кокелѣ: Rusmöd, Orosz-hegy. На Быстрицѣ-Руси; къ юго-зап. на Ташлеу: Orosamare, на Сановцѣ Руска, на Жижьѣ Роса. Къ югу отъ нея около Прутца Rus, Ruska, на Путной Рустока. На Алутѣ Reusu, Мала-Росу. Къ с.-з. отъ Германштата Reussmarkt. На Стрѣлѣ—Ruzestie, Rusow.

Еще южнѣе: по Амарадьѣ, начиная съ верховьевъ: Рося, къ югу Рося, Reuzani, Rusuecі, Rostoka прит. Аржиса, на Аржисѣ Росу, къ западу: Руси - Луп - Асанъ, а недалеко отъ Дуная Руснянка, Ruse-de-Vede.

Отмѣченный фактъ несомнѣнно знаменателенъ. Указанная повторяемость названій, связанныхъ съ корнями *Быстр*, *Бѣл* и особенно *Рус* [1]), сообщаетъ всей карпатской территоріи своеобразный типичный характеръ, невольно бросающійся въ глаза даже при поверхностномъ разсматриваніи карты. Названія Orosz, Oroszi, встрѣчаются довольно часто и въ угорской равнинѣ, связывая её съ окружающими горами.

По всему пространству, т. е. и въ горахъ, и въ примыкающихъ къ нимъ долинахъ распространены названія: Тырнова, Сомборъ, Пряшевъ и особенно Галичъ [2]). Не случайно также и совпаденіе названій, Опатовецъ, Тучапы, Тлумачовъ, Судомѣрицы въ бас. Моравы, Тисы, Вислы.

---

[1]) Слѣдуетъ еще прибавить не менѣе характерныя названія, связанныя съ корнемъ *Тур.*: Турка — л. пр. верхняго Прута, Турія и Турица — притоки Ужа, на нихъ: Турья Поляна, Турья Быстра, Великая Турица, Турья, Тарча (Торица?) пр. Горнада, Туръ и Тарачъ—притоки Тисы. — Топографическихъ названій очень много.

[2]) Названія: Тырнава и Галичъ очень распространены; встрѣчаются и въ хорооографіи.

Если прибавить сюда повторяемость рѣкъ: Лута (прит. Ужа), Луква (прит. Днѣстра), Лукавица (Сана), Лучка (Прута), Тысмана (Шила), Тысменица (Днѣстра), Тысменица (Вепря).

Гомородъ (Красной), Гомородъ великій и малый (Алуты), (не въ связи-ли съ этимъ названіемъ Амарадья?).

Солоная (Шаіо—притоки: Тисы, Изы, Самоша, Реута),—то передъ нами обрисуется громадная территорія, запечатлѣнная несомнѣнною однородностью хоро- и топографической номенклатуры.

Можно ли считать этотъ фактъ случайнымъ? Не указываетъ ли онъ на древнѣйшую этнографическую однородность Карпатской территоріи?

Заслуживаетъ особеннаго вниманія вотъ какое обстоятельствв: 1) названія, связанныя напр. съ корнемъ: *тур* встрѣчаясь очень часто на Карпатской территоріи, встрѣчаются часто и на территоріи Днѣпровскаго бассейна, названіе Серетъ (дунайскій и днѣстровскій) встрѣчается далѣе къ востоку въ формѣ Сарата (Прутская и Кундукская), названіе Солоная встрѣчается тоже на востокѣ (озеро Кундукъ иначе Соленое и рѣки Большая и Малая Сольча, Солонецъ, Соленая), рѣка Мертва (мадьяр. Моротва) имѣетъ на востокѣ подобоименныя: Мертвоводы (лѣв. прит. южнаго Буга, Смерть лѣв. прит. Припети). Многочисленныя на Карпатской территоріи Тырнавы встрѣчаются и на востокѣ. Все это, кажется, можетъ служить доказательствомъ этнографической однородности территоріи Карпатской съ территоріей южно-русской и припетско-днѣстровской.

2. Названіями отъ корня: *рус* усѣяна какъ мы видѣли вся Карпатская территорія. Эти названія идутъ съ юга черезъ Молдавію и Бессарабію и подходятъ къ лѣвому притоку Днѣстра — Русавѣ (на которой нѣсколько одноименныхъ поселеній) и далѣе на востокъ въ бассейнъ Роси съ ея подобоименными притоками; съ другой стороны они направляются къ верховьямъ Западнаго Буга и идутъ отсюда по возвышенности между бассейномъ Припети и Бобромъ до Роси нѣманской.

Ограничиваясь пока приведенными данными, позволяю себѣ высказать слѣдующее предположеніе: не заслуживаетъ ли точна-

го научнаго обслѣдованія несомнѣнный фактъ повторяемости однихъ названій, особенно рѣкъ на извѣстной территоріи?

Отдѣльно, спорадически эти названія могутъ попадаться въ разныхъ мѣстахъ славянской и русской земли, указывая на исконное родство славянскихъ племенъ, но при чтеніи картъ невольно бросается въ глаза нѣкоторая систематичность—врядъ ли случайная — ихъ расположенія на извѣстномъ пространствѣ. Мнѣ думается, что въ этомъ обстоятельствѣ можно усматривать не маловажный историко-этнографическій фактъ, который можно бы назвать *территоріальнымъ типомъ* [1]).

---

[1]) Обоснованіе этого важнаго историко-этнографическаго факта (первый намекъ на него можно усмотрѣть у *Надеждина*, Опытъ исторической географіи русскаго міра, Библ. для чтен., XXII) будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Пока ограничусь слѣдующимъ. Вся Карпатская территорія, со включеніемъ Моравіи, южной Чехіи и юго-западной Руси отличается замѣтно одинаковымъ характеромъ географической номенклатуры по сравненію съ великой ляшской низменностью (къ сѣверу отъ Пилицы) съ одной стороны и русской территоріей къ сѣверу отъ Припетской впадины (приблизительно отъ Западной Свислочи) съ другой. На замѣтную однородность топографіи Чехо-Моравской и Галицкой указалъ уже *М. Колляръ*, въ сообщеніи на III Археологич. съѣздѣ. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ однородности номенклатуры Мазовской и поморской, напр. р. Вкра-вислинская и малогаффская. (Нѣсколько интересныхъ данныхъ см. *Br. Chlebowski*, Początki Warszawy, Ateneum, 1892, VII). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что и территорія древнихъ Кривичей и Словенъ отличается также сооебразнымъ характеромъ номенклатуры. При чтеніи картъ это сразу бросается въ глаза. Такимъ образомъ можно бы, повидимому, установить три крупныхъ территоріальныхъ типа: Карпатскій или, пожалуй, Карпато-дунайскій, Ляшскій и Кривицко-Словенскій. Но дѣло этимъ не исчерпывается. На этихъ крупныхъ по объему территоріяхъ можно уловить нѣкоторую систематичность распредѣленія отдѣльныхъ названій: Каменокъ, Кодымъ, Еланцевъ, Куяльниковъ, Ингуловъ (Ингулъ, Ингулецъ, Ингульникъ), Березинъ, Свислочей, Уссъ (или Ушей ?), Оболей, Черныхъ. — Отъ вывода воздерживаюсь. Съ картами Кривицко-Словенской территоріи я ознакомился пока бѣгло, да и 10-верстная карта, которой я пользуюсь, собственно, недостаточна. Въ данномъ случаѣ я желалъ бы обратить

Въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ фактомъ географической номенклатуры, несомнѣнно указывающимъ на этнографическую однородность всей Карпатской территоріи, находится археологическій намекъ, который можно усматривать въ указаніи на распространеніе бронзовой культуры на востокъ до Зап. Буга, Смотрича и Днѣстра, причемъ однако бронзовые серпы типа, встрѣчающагося въ разныхъ мѣстахъ Россіи, встрѣчаются и въ Угріи, но не попадаются далѣе на западъ [1]). Совершенно въ параллель съ указаннымъ фактомъ распространенія Карпатскихъ хорографическихъ названій на востокѣ [2]).

вниманіе на этотъ фактъ, по моему, заслуживающій разсмотрѣнія. Думается, что при сопоставленіи его съ данными этнографіи и археологіи можетъ выясниться вопросъ о такъ называемыхъ „племенахъ". Рѣшеніе этого вопроса у Барсова („Очерки") при содѣйствіи подобоименности топографическихъ названій съ племенными, кажется мнѣ не особенно удачнымъ. Топографическія названія очень важны, но въ другомъ отношеніи, а именно: они легко поддаются распредѣленію по группамъ. Извѣстное процентное отношеніе этихъ группъ (названія патронимическія, отъ характера мѣстности, отъ занятій и проч. Весьма дѣльныя замѣчанія объ этомъ см. у *Войцѣховскаго*, Chrobacya; у него же—примѣрное распредѣленіе названій Краковскаго уѣзда) въ разныхъ мѣстахъ различно, что́, рядомъ съ хорографіей можетъ служить основаніемъ къ болѣе точному обозначенію территоріальныхъ типовъ. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, что въ разработкѣ вопроса о такъ называемыхъ „племенахъ" слѣдуетъ исходить не отъ лѣтописи (ибо оч. сомнительно, чтобы лѣтописныя названія обозначали славяно-русскія колѣна; скорѣе—это названія политическихъ союзовъ), а отъ данныхъ географической номенклатуры, этнографіи и археологіи. Къ сожалѣнію, положеніе русскаго ученаго, затрогивающаго эти вопросы, при отсутствіи сносныхъ указателей въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ и списковъ населенныхъ мѣстъ — это даже не положеніе, а грусть одна.

[1]) Рефератъ проф. Антоновича и замѣчанія на него проф. Анучина. Протоколы IX Арх. съѣзда.

[2]) Сюда же могутъ быть отнесены указанія на распространеніе въ предѣлахъ Россіи римскихъ мѣстъ см. *Д. Я. Самоквасовъ*, Исторія русскаго права, II, 120 сл. Думается, что указаніямъ на Карпатскій типъ не противорѣчитъ утвержденіе почтеннаго чешскаго археолога г. Пича о значеніи археологическаго Лужицкаго типа и Корконошъ

Въ такомъ же соотвѣтствіи съ фактомъ номенклатуры и археологическими намеками находятся показанія историческія, указывающія на распространеніе русскаго имени въ Карпатской и Моравской территоріи въ отдаленной древности [1]), а равно категорическое показаніе нашей лѣтописи о дунайской родинѣ русскихъ славянъ въ связи съ такимъ же показаніемъ другихъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ и общеславянской и въ частности русской памятью о Дунаѣ въ народной поэзіи [2]).

Укажу еще одно обстоятельство, имѣющее, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ связи Карпатской территоріи съ Кіевомъ. Имѣю въ виду извѣстное обращеніе Олега къ кіевскимъ князьямъ Оскольду и Диру: „яко гость есмь подугорскій, идемъ въ Грекы отъ Олга князя и Игоря княжича да придѣте къ намъ, къ родомъ своимъ“ [3]). Какъ извѣстно это обращеніе въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ читается не такъ: какимъ гостемъ назвалъ себя Олегъ, не сказано, за то мѣсто, гдѣ онъ остановился названо Угорскимъ („и приплу подъ Угорское“).

Выраженіе „гость подугорскій“ казалось очень безсмысленнымъ Шлецеру („wie lächerlich!“) и его послѣдователю г. Н. Ламбину („нелѣпое чтеніе“).

(Исполиновыхъ горъ) въ славянской археологіи Archeol. Vyzkum, Praha 1893 XCIII и слл.). Корконоши могутъ быть причислены къ Карпатскому типу: Быстрицы и Бѣлыя, особенно распространенныя въ с.-з. его части охватываютъ и Корконоши: Быстрица—л. пр. Одры, Быстрица и Бѣла—л. притоки Лабы (на с. Чехіи—между древними Дечанами и Гломачами). Но познанская территорія врядъ ли принадлежитъ сюда же: характеръ ея номенклатуры другой. (см. *A. Pawiński*, Wielkopolska I, перечень поселеній Познанск. воеводства).

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ были указаны выше; другія будутъ разсмотрѣны въ иномъ мѣстѣ.

[2]) *Píč*, Archeol. vyzkum Úvod; *Šembera*, Západní Slovane, Vídeň, 1868. Очень интересна статья *Миллеиофа-Янича* Donau, Dunav, Dunaj, Arch. f. Slav. Phil, I, между прочимъ по противорѣчіямъ, какія легко усмотрѣть въ самой основѣ статей обоихъ знаменитыхъ ученыхъ.

[3]) Воскр. Соф. Ник. Тв. Въ Новг.—что особенно характерно: „творящася подугорьскими гостьми“.

Мнѣ, признаюсь, оно кажется единственно возможнымъ. Но въ объясненіе такого мнѣнія я долженъ бы сдѣлать слишкомъ большое отступленіе въ сторону древней нашей лѣтописи, что въ настоящемъ наброскѣ было бы несовсѣмъ умѣстно. Ограничусь поэтому нѣсколькими положеніями.

1) Что Шлецеровскаго „истиннаго Нестора" не было и быть не могло, это кажется теперь не требуетъ доказательствъ, такъ же точно какъ и то обстоятельство, что древнѣйшій лѣтописный сводъ исчезъ въ сводахъ позднѣйшихъ — по выраженію Забѣлина „въ своемъ племени, какъ исчезаетъ кровь родоначальника въ его потомкахъ" и, слѣдовательно предпочтеніе, оказываемое однимъ спискамъ передъ другими врядъ ли можетъ быть оправдываемо существенными причинами. — Слѣды древнѣйшаго лѣтописнаго свода можно въ равной мѣрѣ усматривать во всѣхъ сохранившихся сводахъ [1]), но всего меньше въ сводахъ древнѣйшихъ списковъ Лавр.-Ипатскомъ по слѣдующимъ причинамъ.

а) Заглавіе обоихъ этихъ списковъ по сравненію съ заглавными обозначеніями двухъ важнѣйшихъ частей древнѣйшаго свода въ Софійской и Воскресенской 1) Повѣсть о русской з. 2) Временникъ—представляетъ параллель заглавію списковъ Новгородской редакціи, въ отличіе отъ единственнаго заглавія редакціи Никоновскаго списка.

б) Сопоставленіе содержанія древнѣйшей части лѣтописи въ Лавр. - Ипатской и Новгородской редакціи показываетъ, что оба эти заглавія какъ разъ не соотвѣтствуютъ содержанію [2]).

в) Никоимъ образомъ нельзя предположить, что такое явное несоотвѣтствіе допущено составителемъ. Оно могло проис-

---

[1]) См. особенно богатыя мыслью замѣчанія *Срезневскаго* въ „Изслѣд. о лѣтоп. Новгор.' Изв. 2 отд. Ак. И., II, 77.

[2]) Новгородская должна бы разсказать: „како грады почаша быти: преже Новгородская волость, а потомъ Кіевская", а начинаетъ на самомъ дѣлѣ съ Кіева; Лавр.-Ип. наоборотъ—должна бы разсказать о Кіевѣ, а говоритъ о Новгородѣ, причемъ изъ событій Кіевскихъ въ лѣтописной части (до вокняженія Олега) этихъ, по заглавію, Кіевскихъ лѣтописей, упомянутъ только одинъ — единственный фактъ: походъ Оскольда и Дира на Царьградъ.

зойти только при механическомъ переписываніи но никакъ не при составленіи.

г) Наконецъ, болѣе позднее происхожденіе текста въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ доказывается полнымъ отсутствіемъ въ древнѣйшей лѣтописной части кіевскихъ извѣстій (упомянутъ только походъ Оскольда и Дира на Царьградъ), находящихся въ Никоновской и запечатлѣнныхъ несомнѣнной современностью событіямъ.

Въ виду всего этого пропускъ выраженія въ спискахъ Лаврент. и Ипатскомъ: „гость есмь подугорскій" еще не можетъ служить доказательствомъ его „нелѣпости".

2) Сличеніе начальной части нашихъ лѣтописей по всѣмъ печатнымъ текстамъ даетъ основаніе полагать первую грань не тамъ, гдѣ ее обыкновенно полагаютъ на основаніи числоположеній Лавр. и Ипат. списковъ (на началѣ княженія Святослава), ибо ихъ числоположеніе вовсе не имѣетъ общаго значенія, а относится лишь къ спискамъ одной редакціи.

Скорѣе первую грань можно бы полагать на 940-хъ годахъ, гдѣ проницательный Срезневскій отмѣтилъ прекращеніе греко-болгарскихъ извѣстій. Нельзя не прибавить, что съ 940-хъ годовъ совпадаетъ и общая лѣтописная сѣть главнѣйшихъ списковъ, и слѣдовательно начало княженія Святослава, какъ грань, совершенно отпадаетъ.

3) Сличеніе текста Никоновской лѣтописи съ Новгородской открываетъ еще болѣе интересное обстоятельство. Извѣстное соотвѣтствіе содержанія обоихъ текстовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, но врядъ ли какой нибудь одинъ текстъ находится въ зависимости отъ другого. (О борьбѣ Оскольда и Дира съ Древлянами и Уличами Никоновская не упоминаетъ). Слѣдовательно можно допускать существованіе третьяго текста, до насъ не дошедшаго, который, быть можетъ, и былъ первоначальнымъ, быть можетъ, всего лучше сохранялся въ недошедшемъ до насъ началѣ Новгородской харатейной—„древнѣйшемъ памятникѣ нашего лѣтописанія" и легъ въ основу какъ древнѣйшей Кіевской лѣтописи, сохранившейся въ Никоновскомъ спискѣ, такъ и воз-

можнаго сокращенія этого древнѣйшаго текста, сохранившагося въ спискѣ Археографической Коммиссіи Новгородской лѣтописи.

Оба эти текста, сходные по содержанію, *обнимаютъ одно время и прерываются на одномъ мѣстѣ*: на извѣстіи о передвиженіи Угличей, при чемъ оканчиваются одинаковыми выраженіями: по семъ („послѣди" Ник.) скажемъ („въ приключавшихся лѣтѣхъ" Новг.).

Наконецъ, въ обоихъ за этимъ слѣдуетъ одинаковый перерывъ около 30 лѣтъ.

Въ виду этого грань, указанную Срезневскимъ на 940-хъ годахъ, слѣдуетъ передвинуть къ первымъ годамъ второго десятка X в. Здѣсь надо думать, и оканчивалась древнѣйшая *первая* наша лѣтопись.

4) О характерѣ и содержаніи ея даютъ возможность судить указанные предполагаемые ея списки въ Никоновской и Новгородской, а еще болѣе включеніе болгарско-византійскихъ событій, доказывающихъ несомнѣнно, что центръ тяжести содержанія этой древнѣйшей лѣтописи лежалъ на югѣ.

А если принять во вниманіе, что дошедшая до насъ форма лѣтописей представляетъ результатъ весьма сложнаго процесса (различнаго рода записи—краткія и болѣе подробныя, ихъ сводка съ другимъ вѣроятно годовымъ распредѣленіемъ, чѣмъ теперь; передѣлка годовой сѣти) то, кажется, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ во 1-хъ, что древнѣйшія наши записи должны быть отнесены ко времени гораздо болѣе древнему, чѣмъ это обыкновенно предполагается [1]).

---

[1]) Эта мысль, впервые выраженная *Татищевымъ*, настойчиво высказывалось *Срезневскимъ*, („Изслѣдованія" и „Чтенія"). Трудъ акад. *Бестужева-Рюмина*, составившій эпоху въ изученіи нашего лѣтописанія, пріурочилъ время составленія Свода „Повѣсти временныхъ лѣтъ" (названіе это до сихъ поръ употребляется у насъ не точно) къ XII в. И это несомнѣнно такъ, если имѣть въ виду тексты сводовъ, подлежавшихъ преимущественному вниманію автора изслѣдованія „О составѣ русскихъ лѣтописей". Но акад. Бестужевъ-Рюминъ не упустилъ изъ виду особенностей Кіевскихъ записей Ник. Списка, подробнѣе развилъ мысль Срезневскаго о возможности другого характе-

Во 2-хъ, Болгарско-византійскія записи древнѣйшей части лѣтописей показываютъ, что онѣ могли возникнуть въ обстановкѣ русской исторической жизни совсѣмъ другого рода, чѣмъ та, которую представляютъ намъ своды древнѣйшіе по времени, но не по тексту; что картина русской исторической жизни, рисуемая этими сводами, представляетъ не начало нашей исторіи, а начало конца перваго періода нашей исторической жизни.

Однимъ словомъ, я считаю возможнымъ предполагать, что въ неизвѣстныхъ намъ древнѣйшихъ записяхъ и въ несохранившемся древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, изъ котораго составлена первая часть Никоновской и Новгородской, связь Кіева съ Карпатско-Дунайской Русью могла выступать еще ярче, чѣмъ это даетъ основаніе предполагать сохранившееся въ главнѣйшихъ спискахъ хитрое обращеніе Олега къ Оскольду и Диру.

Выраженіе „гость есмь подугорскій" должно было быть во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, ибо оно сохранилось во всѣхъ спискахъ кромѣ позднѣйшихъ по тексту, хотя и древнѣйшихъ (изъ дошедшихъ до насъ) по времени, да и въ этихъ спискахъ якобы болѣе точное обозначеніе мѣста остановки Олега („приплу подъ Угорское") вмѣсто общаго „приде къ горамъ Кіевскимъ" (сохраняемаго и въ Радз.), представляетъ если не искаженіе ставшаго непонятнымъ „гость подугорскій", то во всякомъ случаѣ вставку болѣе позднюю, ибо само урочище кіевское во время катастрофы не называлась „Угорскимъ" [1]).

Смыслъ Олеговой хитрости объясняется существующимъ и

ра древнѣйшей лѣтописной сѣти. Эти плодотворныя мысли должны были подлежать дальнѣйшему обоснованію и развитію. Какъ мало, однако, подготовлена была наша наука къ воспріятію этихъ мыслей доказываютъ статьи Разсудова, Ламбина и Куника.

[1]) Это ясно доказываетъ выраженіе „еже ся нынѣ зоветь Угорское". По замѣчанію Ламбина, „нынѣ" въ лѣтописномъ употребленіи обозначаетъ то, что существовало во время писанія, но чего еще не было во время описываемаго факта. Что названіе — Угорское — не имѣло никакого отношенія къ Уграмъ, лучше всего показываютъ подобоименныя хоро- и топографическія названія: р. Угерка, Угрускъ и др. Ср. также *Д. И. Иловайскій*, Исторія II, пр. I.

понынѣ названіемъ части Карпатской территоріи. — Подгорье, — которое въ древности, быть можетъ, звучало какъ Подугорье. Теорія Угорско-Мадьярскаго происхожденія Оскольда и Дира высказанная Эверсомъ и по недоразумѣнію поддержанная Гедеоновымъ [1]), конечно дика, но теорія подугорскаго, т. е. Карпато-русскаго происхожденія первыхъ несомнѣнныхъ русскихъ князей въ Кіевѣ, послѣ всего сказаннаго, врядъ ли можетъ быть серьезно оспариваема.

Я указалъ главнѣйшія данныя, относящіяся къ вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ. Въ окончательномъ выводѣ я считаю возможнымъ положительно утверждать, что нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь незначительный слѣдъ далекаго прошлаго. — Тѣмъ болѣе важенъ этотъ слѣдъ, тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ онъ со стороны нашей науки.

Только на Карпатахъ русская историческая наука можетъ найти твердую почву для объясненія началъ Кіевской государственности [2]).

---

[1]) Было бы в. интересно знать, остался ли Гедеоновъ при своемъ мнѣніи и въ рукописномъ изслѣдованіи объ Угорской Руси? Кстати замѣчу, что рукописные и слѣд. никому недоступные труды объ Угорской Руси Венелина и Гедеонова, по именамъ авторовъ и важности предмета заслуживали бы нѣсколько большаго вниманія со стороны нашей Академіи Наукъ, которая, кажется, могла бы имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи безъ особеннаго затрудненія. Обѣ рукописи должны быть хорошо извѣстны акад. Кунику. О трудѣ Венелина почтенный академикъ говоритъ слѣдующее: „Unter seinen Papieren befindet sich eine Abhandlung über das ungrische Russinenland, welche vielleicht das einzige Erträgliche sein wird, was er je geschrieben hat. Berufung 1, 172.—Рукописи Гедеонова разбиралъ тотъ же акад. Куникъ, Иконниковъ, Опытъ, 1329.

[2]) Считаю не лишнимъ напомнить соображенія проф. Кочубинскаго. —„Если необходимо признать особенную фонетическую и формальную близость словацкаго нарѣчія чешскаго языка къ нарѣчіямъ русскаго языка, то справедливо видѣть въ рѣчи бѣдныхъ обитателей Карпатъ звено, связующее языки крайнихъ славянъ запада и востока — Чеховъ и Русскихъ. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что современное словацкое нарѣчіе представляетъ въ извѣстномъ смы-

Всестороннее обслѣдованіе древняго Кіевскаго періода до смерти Владиміра Святого можетъ дать, думается мнѣ, очень много прямыхъ историческихъ указаній, подтверждающихъ предлагаемую мною мысль. Вспомнимъ, что мы совсѣмъ не знаемъ, гдѣ пролегала русско-чешская граница свято-Владиміровой Руси, о которой вполнѣ опредѣленно говоритъ лѣтопись.

На Карпатахъ русская историческая-наука имѣетъ трудныя, но широкія и благодарныя задачи. Если она желаетъ сохранить за собой честь и достоинство дѣйствительной науки, она должна пойти на встрѣчу этимъ задачамъ. 50 лѣтъ назадъ, пожалуй, можно было извинять въ научномъ изслѣдованіи такую нпр. беззаботность, относительно Угорской Руси: „Da ich noch nicht annehmen kann, dass der östliche oder heutige russische Zweig der Slawenwelt vor dem Einfall der Ungarn in Pannonien wirklich bis an die Donau reichte, so erkläre ich mich auch entschieden gegen jene Ansicht, als seien einzelne sogenannte Russendörfer im Inneren Ungarns und Siebenbürgens slawische Oasen, deren Bevölkerung und Namen sich seit uralten Zeiten herschreiben. Um zu zeigen, *wie wenig ich von jenen Urrussen besorge*, will ich selbst noch näher darauf aufmerksam machen, dass in sehr vielen Strichen Ungarns nud Siebenbürgens wirklich vereinzelte russische Ansiedlungen existirten, die aber zum Theil schon entrussirt sind oder in der Gegenvart immer mehr ihrer Magyarisirung oder Germanisirung entgegen gehen". (Beruf. 1, 178). Въ чемъ эта „беззаботность" можетъ найти себѣ извиненіе теперь? Въ настоящее время можно считать неподле-

---

слѣ собственно чешское нарѣчіе въ его древнѣйшей формѣ, XI—XIII в., то можно даже допустить, что чешско-словацко-русскій языкъ есть говоръ одной обширной народной семьи, члены которой связаны между собою болѣе тѣсными узами, чѣмъ кто либо изъ нихъ съ своими соплеменниками на сѣверъ и югъ". Зап. Новор. Ун., XIII, 123. Тоже у Гедеонова: „безъ пособія чешскаго языка нельзя обойтись для уразумѣнія древне-русскихъ памятниковъ; древне-чешскіе памятники не требуютъ знанія русскаго языка (Вар и Р, 343). Уже въ 1834 объ этомъ догадывался Каченовскій. Теперь этихъ вопросовъ у насъ совсѣмъ не касаются. Почему?

жащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русское племя и русское имя явилось за Карпатами не съ XIV в. (съ Коріатовичемъ), не съ XII в., какъ слѣдствіе бѣгства русскаго народа передъ Татарами, не одновременно съ появленіемъ Угровъ, а раньше, и слѣдовательно, если пребываніе Русскихъ на Карпатахъ и въ прилегающей къ нимъ Угорской равнинѣ не укладывается въ рамки существующихъ даже и теперь научныхъ взглядовъ [1]), то это доказываетъ только узость и искусственность этихъ рамокъ.—Повторяю: если наша наука желаетъ сохранить за собою честъ и достоинство дѣйствительной науки, она должна не избѣгать связанныхъ съ Карпатами вопросовъ, а поставить ихъ на ближайшую очередь.

Только что приведенныя слова ак. Куника о мадьяризаціи, германизаціи и — прибавлю отъ себя полонизаціи и румынизаціи русскихъ на Карпатахъ [2]) подводятъ насъ ко второму вопросу

---

[1]) Особенно яркимъ представителемъ ихъ является профессоръ *А. Калина*, Studyja nad historyą języka bułgarskiego, Rozprawy wydz. filg., XIV—XV, Krak. 1891.

[2]) Эти факты политическаго характера имѣютъ важное значеніе и для науки вотъ въ какомъ отношеніи: рядомъ съ мадьяризаціей и румынизаціей, а отчасти и полонизаціей идетъ измѣненіе или прямая замѣна и номенклатуры, даже хорографической: Ясинье становится Körös-Mezö, Червеница — Vörös-Vagar, Яблунь — Nagy-Almas, Дравцы — Darócb, Дубовинка — Tölgyes-falu, Хижа — Kis-Tarna, Подгорье — Varallya, Вороново — Varannó, Теребишово — Tökc-Terebes. Нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣлъ Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ, я беру смѣлость рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угріи будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣетъ теперь Угорская равнина. Въ настоящее время насчитываютъ 400 словъ мадьярскихъ въ современномъ языкѣ угроруссовъ, причемъ *50 глаголовъ*, заимствуются мадьярскіе суффиксы, прилагаемыя къ славянскимъ словамъ; перенимаются слова, первоначально принятыя Мадьярами отъ Славянъ, но уже, понятно, въ мадьярской формѣ. Такихъ словъ насчитываютъ 14. Наконецъ Русскіе начинаютъ пѣть переводныя мадьярскія пѣсни, причемъ нѣкоторыя мѣста сохраняются въ мадьярскомъ подлинникѣ Lad Csopey, Ungar. Revue 1881, 547, Такую пѣсню мнѣ дѣйствительно привелось слышать въ окрестностяхъ Мукачева. На угорскихъ на

исторической науки, связанному съ Угорской Русью: вопросу о передвиженіи народностей съ Карпатъ въ нынѣшнюю южную Русь. Этого вопроса я коснусь лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Сторонники мысли о такомъ передвиженіи — Погодинъ прежде, А. И. Соболевскій теперь—основываютъ её на данныхъ языка. Историкъ обязанъ принимать эти данныя къ свѣдѣнію; судить о ихъ дѣйствительномъ значеніи онъ въ большинствѣ случаевъ далеко не компетентенъ.

Что касается однако даннаго вопроса то историкъ можетъ сохранить здѣсь полную свободу и самостоятельность сужденія, такъ какъ мнѣніе проф. Соболевскаго въ извѣстной мѣрѣ парализуется противоположнымъ мнѣніемъ ак. Ягича.

Такимъ образомъ, до выясненія вопроса по даннымъ языка, историкъ можетъ свободно обсуждать вопросъ съ точки зрѣнія сообразности его съ наличными историческими фактами. Изъ историковъ проф. Соболевскому возражалъ В. Б. Антоновичъ, указавъ именно на то, что „теорія колонизаціи, какъ она указана г. Соболевскимъ не оправдывается извѣстными фактами исторіи“ [1]).

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о вліяніи Татарскаго погрома на населенность ю.-з. Руси. Вопросъ этотъ выясняется въ наукѣ преимущественно въ томъ смыслѣ, что Татарщина не имѣла особеннаго значенія въ этомъ отношеніи.

Допустимъ, что это такъ. Исключается ли этимъ возможность колонизаціи на которую указываетъ проф. Соболевскій? По моему, нисколько. Исторія не можетъ опредѣлить момента передвиженія населенія съ Карпатъ въ ю.-з. Русь, но вѣдь такъ же точно исторія не можетъ опредѣлить момента русской колонизаціи сѣв.-вост. Руси. Тѣмъ не менѣе никому изъ историковъ не придетъ въ голову отрицать ее. Передвиженіе русскаго населенія съ ю.-з. на сѣв.-вост, составляетъ фактъ, подтверждаемый

шихъ соотечественникахъ лежитъ обязанность сохранить славяно-русскія названія по крайней мѣрѣ въ записи. Больше ничего, при ихъ положеніи, требовать нельзя.

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора, II, 217.

всѣмъ ходомъ русской исторической жизни, иначе говоря, фактъ несомнѣнный, но онъ не такого рода, чтобы его можно было пріурочить къ извѣстному моменту.

Напомню кстати замѣчаніе К. Иречка по поводу не отмѣченнаго въ источникахъ времени заселенія Славянами балканскаго полуострова „Das sich über diese allmählige Colonisation bei den Zeitgenossen keine Aufzeichnung vorfinden, kann nicht auffallen. Es zogen um eines ganz analogen Falles aus neuerer und neuester Zeit zu gedenken, im XVII Jahrhundert Hunderttausende von Serben aus Alt-Serbien am Amselfelde in den Banat und nach Süd-Russland, und in unserem Jahrhunderte wanderten Hunderttausende von Bulgaren aus ihrer Heimath nach Serbien, in die Walachei, nach der Moldau, nach Bessarabien, ohne dass europaische Statistiker und Historiker genaue Aufzeichnungen darüber vorgenommen hätten [1]).

Впрочемъ относительно занимающаго насъ вопроса есть нѣкоторыя указанія: русскія извѣстія упоминаютъ о прибытіи изъ Кіева въ Москву знатныхъ бояръ, какъ нпр. Радіонъ Нестеревичъ въ концѣ XIII—XIV в. Конечно, переливъ массъ естественно не могъ быть отмѣченъ тогдашними источниками, такъ какъ для нихъ это былъ фактъ весьма мало интересный да и вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ при этомъ что-то въ родѣ переселенія народовъ. Это былъ именно переливъ, постоянный, а потому и незамѣтный, а по крайней мѣрѣ не поражавшій. Длугошъ (подъ 1442 г.) указываетъ на бѣгство русскаго народа изъ Галиціи на востокъ къ Татарамъ.

Если ко всему этому принять во вниманіе оттѣсненіе Мадьярами русскаго населенія съ нынѣшней угорской равнины, передвиженіе румынъ съ балканскаго полуострова и возникновеніе румынскихъ господарствъ на нижнемъ Дунаѣ и южныхъ склонахъ Карпатъ, то мнѣніе проф. Соболевскаго окажется заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія русскихъ историковъ.

Проф. И. Филевичъ.

---

[1]) *C. J. Jireček*, Gesch. d. Bulgaren, Prag, 1876, 80.

Б 151696